

В. Ф. ПОКРОВСКАЯ

Повесть об испанском королевиче Бруне и его супруге Мелеонии

(К истории переводной литературы XVII в.)

Указания на литературный факт, о котором идет речь в настоящей статье, в научных работах по древне-русской литературе были сделаны дважды, но изучению он не подвергался. Составители «Описания рукописей П. П. Вяземского»¹ ограничились простым воспроизведением эпитафии и начальных слов первого и второго предисловий к повести. В. Н. Перетц² отметил «Повесть о королевиче Бруне» особым названием и ремаркой: «у Пышина не указана» (попутно изменив датировку списка Вяземского на XVIII в.).

Между тем при ближайшем ознакомлении с рукописным текстом оказывается, что мы имеем дело не с новым сюжетом, а всего лишь с особой редакцией давно известной исследователям повести «О славном рыцаре Петре-Златых Ключей и о прекрасной королеве Магилене Неаполитанской». По сравнению с обычной версией повести,³ попавшей в Россию через посредство польской литературы,⁴ фабула старинного провансальского романа рассказана здесь по-иному, с рядом характерных лишь для этой редакции особенностей.

Прежде всего «Повесть о королевиче Бруне» интересна тем, что она имеет определенную целеустремленность, четко сформулированную в «предисловии читателю». Романическая история о разлученных судьбою любовниках предлагается в качестве назидательного чтения («молю не просто прочитати сию книгу, но со усердием, зане глаголется дверь до способного

¹ Описание рукописей П. П. Вяземского. Изд. ОЛДЦ, № СХІХ, СПб., 1902, стр. 349—350, сборник Q № СLXXX. В настоящее время рукописи собр. Вяземского хранятся в Гос. Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

² В. Н. Перетц. Новые труды по источниковедению древнерусской литературы и палеографии, I—VIII, Киев, 1905, стр. 94.

³ Подробный пересказ ее содержания см. В. Резаев, Из истории русской драмы. Изв. II отд. Акад. Наук, т. XI (1906), кн. 4, стр. 201—244.

⁴ В. Резанов. Непосредственный источник романа о Петре Златых Ключах. Изв. II отд. Акад. Наук, т. XVI (1911), кн. 4, стр. 144—150.

жития») и приравняется к «списаниям благородных князей, и благочестивых мужей, и жен, и чистых и добродетельных отроковиц, еже поведения или ж и т и я' их списах в пользу многим». Определяя точнее тему своего рассказа, автор «повествования почитающим» даже и оформил ее в житийном заголовке: «великопрестолнаго и славнаго королевича Бруна, иже паче тленной славы небесную возлюби, сиречь премудрости пожелал, такожде и подобную ему благородием, паче же и мудростию кипящую супругу Мелеонию глаголю: како во едином госпде упованием себе утвердиста, и колико пострадаста, и от искушении яко от огня злато просветистася, зане надежды в бозе не погрешиста». Само изложение начинается так: «В лето от воплощения божия слова осмысленное, индикта первого, во дни Федерика пятого цесаря, во Ишпании велицей бысть чудо велие и преславное...»

Эту основную установку можно проследить на протяжении всего изложения. Королевич Брун — «вымоленное у бога» дитя славных родителей, дарованное им за усердные молитвы, милостыню и благотворительные дела. С самого раннего детства Брун поражает окружающих своей мудростью и разумом «от бога надаренным». Рыцарские его доблести, так усиленно подчеркнутые в повести о Петре Златых Ключах, в нашей редакции затуманены, вероятно, как не отвечающие требованиям христианской морали, а все картины турниров вовсе опущены. Обстоятельства и мотивы его отъезда в чужие края тоже несколько иные. Товарищи стыдят его за то, что он не желает обогатить свою мудростью иные страны: «стыд бо подобовидну тебе мудрым на едином месте себе явити...», «мудрых бо пожитие не себе, но многим. Молим же тя, объяви на крузе земнем своего разума достояние и не прогневи мудрости надарителя всех благих бога, дабы темны гроб тебе не посрамил и не явил тя незнаема и бесплодна суца». Брун, по их совету, оставляет родителей и совершает подвиг смирения, служа при дворе венецианского князя «последним салдатом», «дабы собою всякое обносящееся в нуждах искушение уразумети». «И много бо лет ему себе изнури во служении иным подобовидным себе князем безо всякой гордости». Образ Мелеонии с самого начала стилизован под добродетельную мудрую деву и, так как сперва трудно найти достаточно элементов «святости» в ее поведении (в дальнейшем благотворительная деятельность дает возможность показать ее «во весь рост»), то здесь указывается на беспрестанные молитвы ее к богу, которому она вверяет судьбу своего замужества. Своего будущего жениха Мелеония впервые видит не на турнире, а на празднике, устроенном в ее честь. Красочная фигура мамки Петронилы, двигающая действие в обычном рассказе о Петре Златых Ключах, из этой редакции выпала; ее заменяет отчасти опекун Мелеонии, устраивающий по просьбе последней свидание молодых людей. Далее следуют: традиционный обет целомудрия до свадьбы и тайный отъезд обрученных на родину героя, вызванный отрицательным отношением отца Мелеонии к избранному ею жениху. Мелкая, но, может быть, не случайная подробность: в эпизоде похищения перстней нет ни слова о греховных мыслях героя повести — пропуск, исключаящий соблазнительную картину из жизнеописания добродетельной пары, но наносящий

ущерб логическому обоснованию всех их дальнейших злосюючений. Следующие за этим приключения героев в общем совпадают с повестью о Петре Златых Ключах; отметим только, что изложение фактической стороны событий, данное обычно в более сжатой форме, склонно при всяком удобном случае отягощаться рассуждениями на благочестивые темы. Очень показателен с этой стороны хотя бы рассказ о найденном внутри щуки перстне. Перстень приносят князю, и он размышляет «где бы тои перстень приписать, дабы не во грех вменилось ему быти». Приближенные советуют сдать драгоценность в казну, «он же, яко мудр сый, егда предсташа вопиюще, тихо их вопрошаше глаголя: о, друзи мои, вопрошаю вы, — что более человеку, очесы ли зрак погубити или услаждающими сего света маловременными вщми себе увеселити?», понимая под светом очей истинную правду. В результате длинного рассуждения (на двух листах рукописи) князь приходит к решению: «должно тому им властвовать, иже его нам вручи. С г) ради приписую его господеви, да не явлюся желатель чюждаго».

К сожалению, нам не удалось найти первого тома серии «Bibliothek älterer deutschen Uebersetzungen», где старинному немецкому переводу с французского предпослан составленный И. Больте обширный перечень изданий романа о Петре и Магелоне на различных европейских языках.¹ Отсутствие этого ценного библиографического указателя, на который ссылается В. Резанов в своих статьях, очень затрудняет разрешение вопроса о непосредственном источнике русского текста, так как судить об иноязычном оригинале, лежавшем перед переводчиком, о стилистических приемах самого перевода и о его литературной истории после выхода из-под пера переводчика приходится на основании одного единственного русского списка.

Сборник Вяземского Q № CLXXX сплетен из нескольких рукописей (Александрия, Космография, повесть об Оттоне песаре, о королевиче Бруне и др.), и на листах его довольно много записей, проб пера и помет как более поздних, так и одновременных с написанием текста. На полях Александрии есть записи, говорящие о бытовании этого списка в б. Смоленской губернии: л. 101 — «сия книга смоленского мещанина василия. . .» (фамилия неразборчива. — В. П.); л. 18 — заголовок: «в смоленскую губернскую канцелярию доношение». Вопреки датировке печатного описания, считающего сборник принадлежащим XVII в., отдельные составные части его явно написаны в последующем столетии, и даже не в начале его, а в середине, например повесть о песаре Оттоне, после которой тем же почерком поставлена дата: «1752 году марта 15 дня». Что же касается тетради с повестью о Бруне, имевшей первоначально свой особый счет листов, то ее палеографические признаки (бумага и характер скорописи) типичны

¹ Die schöne Magelona, aus dem Französischen übersetzt von Veit Warbeck. 1527. Nach Originalhandschrift herausgegeben von Johannes Bolte. Weimar, 1894. (Bibliothek älterer deutschen Uebersetzungen, herausgegeben von August Sauer, № 1). Einleitung, S. LVI—LXVI.

для конца XVII в. или для самого начала XVIII в.¹ Более точное приурочение списка к начальным годам XVIII в. подтверждается также тем, что язык повести совершенно чист от иностранных слов, так сильно засоривших русскую литературную речь в 20—30 годах XVIII столетия. Упомянутый дважды капральский чин Бруна при прохождении им солдатской службы («юноша той благородны Бруна в чину ко пранства с славою своею проходяше» (мимо Мелеонии), «даждь мне видети. . . того юношу. . . его же в капранском чине видех») и «персона» в значении внешний облик человека («а его более любляше, видя его персону, мня подобия своего супруга, а не самого его зрети. . .») вошли уже тогда в обиход русской речи (см. Н. Смирнов, «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху». — Сборник ОРЯС, т. 88, стр. 133—134 и 224). Текст несвободен от налета украинизмов и полонизмов, недостаточного, впрочем, для определения национальности переводчика или для заключения о польском посредничестве. Из украинизмов отметим такие, как: прилюби, заставих (= оставил), добродейство, государич, ханися о выю его, сключися и др. Примерами полонизмов могут служить: педробливость, кролеви, на имя (= по имени), спиталь, шпитальня, обрести в олит, обран (= избран), прилучай (= случай), жаль («а мне самой жаль приносиши») и т. д.

В то же время языковая форма, в которую облечено повествование, полна своеобразия и поражает какой-то особой архаичностью лексики и синтаксических построений, свободно и непринужденно, без малейшего напряжения выдержанной от начала до конца. Обильные церковнославянизмы,² глагольные формы далекого прошлого истории русского языка, двойственное число, дательный самостоятельный и т. п. встречаются на каждой строке. Достаточно привести для иллюстрации небольшой отрывок:

«По неколиком же времени поят оныи Бруна Мелеонию и, утаяся родители ея по намерению своему, бегу ястася точию едины, ни от раб своих кого с собою потребоваста, точию Мелеония взя с собою у родителей своих немала сокровища в малых вещех, дабы не срам ей был такова отца дщери в ыноземском краю себе видети. И бывшим им на пути, от великого труда припадеша сон; они же восхотеша дати телу своему упокоение, и попускаста свои ослята близ моря суть, и сном отяготистася. Мелеония же боле отягчена бе сном, велми храпляше, припадше к коленама своего обручника. Бруна же узрев во одеждах у нея зашитие и недоумевашеся чесому быти; и пожелала уведети, и нача то место осматривати во одежди ея; и выня той свои обручалной перстень с червленым обвитием, и нача паки в первое свое место устроить. И по некоему строению той перстень и с червеною

¹ Близкая по начертанию филигрань — гербовая лилия — встретилась Лихачеву на документе 1706 г. Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, ч. II, стр. 273, и ч. III, альбом снимков, № 3546.

² К церковнославянизмам относятся и такие слова, как «юнак» (= молодец, герой) и «дель» (бочка), сохранившиеся теперь только в славянских землях, но зарегистрированные И. И. Срезневским в древне-русских памятниках (см. «Материалы для словаря древне-русского языка», т. III, СПб., 1903, стлб. 1626; т. I, стлб. 651), и глагол «надарити» и все производные от него.

обвивою испаде на землю из рук его, он же вскоре его не обрете; враг же создади его седа, Бруне же сего не ведящу, и мяше враг себе нечто пищу зрети, зане красовиден бе, и с великим усердием ухвати перстень и вложи во уста своя» (лл. 257 об.—258 ркл.).

Такой способ изложения весьма показателен для данного перевода, и стилистически он примыкает не к литературе светских повестей XVII—XVIII вв., которым архаичность языка не свойственна, а к группе переводных произведений житийного, богословского и учительного содержания. На мысль о сопоставлении с последними натолкнуло одно несомненное заимствование из печатного Анфологиона 1660 г. А именно, плач покинутой Медеонии в повести о Бруне дословно повторяет слова жены Алексея, человека божия (перевод Арсения Грека), слегка видоизменив их согласно новым обстоятельствам (механическое приспособление привело даже к бессмысленному сочетанию слов «живомужня ж е н а», вместо «живомужня вдова»).

Повесть о Бруне (лл. 258 об.—259 об).

Житие Алексея, человека божия (Анфологион, 1660 г., стр. 20—22)

«и нача (Мелеония) горестно плакати, глаголя сице: Увы мне, безрадостной невесте, живому жней жене и бедной! Горе мне, окаянной и злочастной! Ох, увы! Где обретесь возлюбленные мои обручник, и в коем месте есть, что был еси женише мои любезнейшии? Чесо ради толико явилми ся еси жестокии ко мне? Како оставил мя еси в пустыни сей? Которое зло тебе сотворила, что тебе погрешила? За кую вину отрекся еси мене, толико возненавидел еси мене, яже бы предательница тебе была? Аще имел еси намерение оставить мя, чесо ради от боку родителей моих отлучил еси мене и положил еси в срам и мучение? Ох, увы! где ныне обретаешися, любезнейшии мои, да известиши ми, камо поиду и что буду. Но ни едино попече-

«И слышаше многожды жену свою святыи глаголати нижныя плачи по женскому обычаю. Горе и *оувы мне безрадостной невесте, живому жней жене и бедней. Горе мне окаянной и злополучней, в коем месте обретается возлюбленными сожителю моему, что был еси, женише мои любезнейшии.* Како явился еси толико жестокии ко мне окаянной, и не пребыл еси поне единого дне, да насладится (так!) един другого. *Кое тебе зло сотворила есмь. Что тебе погрешила, и отреклся еси мене. За кую вину толико возненавидел еси мя. Аще имел еси намерение оставить мя, чесо ради положил еси в мучения, и скорблю толико лет о любви твоей немилосерде.* И поне часть писания не послал еси проведати како пребываеши в странстве и где обретаешися, да известуеши мене, что да буду камо поиду. Но ни едино попечение о мне имаши, токмо оуневестил мя еси всеу и безвременно. Та же побегл еси, и огнушался еси мене толико, яко же была бы предательница твоя. Но

ние о мне сотворил еси, но ты убо явил ми ся еси жестоковыи и безболезвенныи. Аз же да сотворю все сопротивное, да подражаю непорочную горлицу и нелестную, яже, егда погубит своего сожителя, уже вящее к тому не сидит на зеленой ветви, ниже пьет тогда воду чисту, ниже поет, но плачет счастье свое, и ни едину радость приемлет, но всегда печалует, дондеже умрет от скорби своя. Сице сотворю и аз, злочастная в прискорбная, и несчастная; да не отиду в дом своих родителей, но сотворю по завещанию моему к тебе и иного бо никого не отягчу собою, но да рыдаю на всякий день и плачу счастье свое и тебе, пожеланнаго ми обручника, нигде инде, точию во отечестве твоем, и не изменю сего моего намерения дондеже испущу едину реку слез, и тогда умру от болезни и скорби моеи и общ нам с тобою гроб да будет, глаголю, отечестве твое, яже великая Ишпаня».

ты оубо явился еси ко мне сипевыи жестокии и безболезнен, аз же да сотворю все сопротивное, да подражу непорочную горлицу и нелестную, яже егда погубит сожителя своего, не сидит вящши на зеленой ветви, ниже пьет когда воду чисту, ниже поет, но плачет щастие свое, и ни едину радость приемлет, но всегда печалуется дондеже оумрет от скорби своя. Сице да сотворю и аз злочастная прискорбная и несчастная, да рыдаю на всякий день и плачу сожителя моего, дондеже испущу едину реку слезы, и тогда да оумру от болезни и скорби моя».

Поскольку плач Мелеонии органически входит в изложение, а не имеет характера позднейшей вставки, то тем самым определяется наиболее раннее возможное время перевода нашей повести: 1660 г. Сближение с Анфологионом может быть продолжено несколько дальше. Обстоятельства рождения королевича Бруна совпадают в общем с появлением на свет Алексея человека божия. Образ Мелеонии рисуется теми же чертами, что и мученицы Екатерины, «яже всех прочих превосходящая в премудрости и красоте и во иных многих достоинствах»; и та и другая получают от родителей право самостоятельного выбора жениха и больше всего заботятся о том, чтобы выбрать равного себе по достоинству и мудрости. Но наличие

этих совпадений менее доказательно, так как они являются общими местами агиографической схемы и могли проникнуть в повесть о королевиче Бруне независимо от житийных переводов Арсения Грека. Укажем еще, что в нашей редакции обычный узелок с перстнями заменен «червленым обвителим» или «обвивою»; в Анфологионе: «... (Алексей) обвив перстень и пояс свои, яже бяху многоценныя вещи, даде я отроковице» (стр. 11). Общий художественный образ — «река слез» («яко реку испущаше слезы», «велию реку излия слез» — повесть о Бруне; «омываше я рекою слез своих», — Анф., стр. 32) в житии Алексея развит в обращение: «о источницы и моря, взаимодейдите воду главе моеи и дадите очима моима толико слез, да возмогу плакати злополучение мое ко удовлению» (Анф., стр. 34). Жена Алексея «яко новая Руфь не восхоте ити в дом отца своего...» (Анф., стр. 19); точно так же Мелеония, очутившись в аналогичном положении, «яко новая Руфь, нача по намерению своему до Ишпании путь искати».

После этих несомненных доказательств пользования Анфологионом, естественно, возникает вопрос: нельзя ли перевод повести приписать Арсению Греку? Думается все же, что такое заключение было бы слишком поспешным, так как для заимствования из жития Алексея человека божия нет необходимости быть переводчиком его. Правда, нельзя отрицать того, что общий строй речи в Анфологионе 1660 г., Скрижали 1656 г. и в других переводах Арсения Грека близко подходит к особенностям ее строения в повести о Бруне, но в равной степени это относится и ко второй части рукописного Хронографа Досифея,¹ заведомо переведенной не им. Приведем несколько примеров архаичных грамматических форм: «архиерей вземлет камения своима рукама и полагает во основание» (церкви) — Скрижаль, стр. 17; «Отнеле же познаста себе (Адам и Ева) яко обнажистася, взяста от оныя (смоковницы) листови и сшиста одежду и наложиста на тело свое» — Хронограф, л. 18; «Царьствующу Давиду царю бысть брань еллинов строяны» — Хронограф, л. 120; «... и тако вергоша его в лес и обретоша его пастуси, иже пасяху овцы, и взяша его, и воспиташа и положиша имя его Парис» — Хронограф, л. 121. Конец «предисловия читателю» в повести о Бруне: «и милостию сицевою, верою и надеждою себе оградивый, душею и телом здравствуй» можно сравнить с таким же пожеланием в предисловии к Хронографу, составленном в 1665 г. после окончания перевода всей книги: «Всем православным и благочестивым христианом, получающим настоящую историчную книгу, здравие и благополучие от христа бога».

Осторожнее будет поэтому говорить сейчас не об определенном имени, а только о близости времени перевода к 1660-м гг. и о том, что для переводчика еще не утратил значения тот художественный канон, образцами которого были переводы Арсения Грека и современных ему переводчиков житийной и богословской литературы. Это тем более правильно, что в повести

¹ Рукопись Ленингр. Гос. Публичной библиотеки F, XV, № 574. Перевод начат Арсением Греком, а в 1663—1665 гг. продолжался Дионисием Греком.

о Бруне есть и свои излюбленные художественные образы и другие особенности стиля, не подтверждающиеся Анфологионом, а или перенесенные из оригинала, или принадлежащие лично переводчику. Перечислим, напр., ряд таких отдельных выражений, как: «славна себе сотвори на всем крузе земнем», «объяви на крузе земнем своего разума достояние», «на всем крузе земнем прославистася»;¹ «от боку родителей моих отлучил еси мене», «едино има (родителям Бруна) сетование бе. . . дабы има по себе наследника от своего боку видети»; много раз повторяющиеся определения: «мудростию (разумом и т. п.) кипящая я», «богом надаренный (разум, смысл, наука)», «вжду бо я от бога надареннаго в тебе смысла кипящую премудрость», «зря его отовсюду мудростию кипети», «одежда в а г р а ж д е н н а я мною ценою» и т. д. Интересны для художественной манеры изложения два эпизода, вставленные в нашу редакцию и отсутствующие в обычной версии романа о Магелоне: 1) разговор Мелеонии с отцом: «Она же благородная отроковица, егда его [Бруна] узре, вопрошаше об нем отца; он же ничесоуж к ней отвещеваше и велми о сем гневашеся на ню. Она же паки его вопрошаше, дабы ей явил род того юноши. Отец же ея я р о с т н ы м о к о м на ню позре и со гневом к ней отвещеваше: о, отроковица честная, чесо ради беседою бесчестие и гнев ми твориши своему отцу, о благородных и любимых мною, паче же достойных себе честию и саном, не вопрошаешь мя, но о сиротах малородных желашеши у мене ответа? Срам бо ми есть твоему родителю, и велию скорбь задаваеши ми таковая от тебя слышати. Она же, благоразумна сущи, боле того ничтоже рече своему отцу тогда, дабы на болшии гнев и ярость того не привести, и в сердца своем непрестанно мысляше и желаше како бы ей в едине искусити того юношу и увести род и достоинство его» (лл. 254—254 об.) и 2) упомянутый уже рассказ о мудром князе и злых советниках, разработанный до мелочей, с тонким подчеркиванием тихого облика князя и неистовствующих приближенных («он же, яко мудр сый, егда предташа в о п и ю щ и, т и х о их вопрошаше, глаголя. . .» — л. 261 об.). Уча и наставляя своих слушателей на примере долгостерпения Мелеонии и Бруна, повествование не раз пользуется приемами проповеди, ссылаясь на Иова («ниже порошцем ко владыце, но со Иовом возопием: господь даде и господь взя и прочая возглаголем с ним. Аще же надежду таковыи положит в бозе, яко Иов может прославиться, которыи покажет Иовово терпение — не точию яко Иов, но яко и вси святии может славою просияти. . .»), напоминая образ светильника под спудом и злата, очищающегося в горниле, приравнивая разумную Мелеонию к мудрой в ответах Юдифи т. д. И даже обращение к читателям вылилось в более привычную формулу: «Сладка нам божественная писания, б р а т и е, не точию почитающим, но и слушающим» — л. 249; «Мы же, б р а т и е, слышавше таковая, в первых себе положим надежду твердо имети о бозе, по сем милостивым быти, по глаголющему: блажени милостиивии, яко тии помиловани будут» — л. 272.

¹ Сравни латинское: orbis terrae.

Как известно, большинство своих переводов Арсений Грек сделал с новогреческих изданий, выходявших в Венеции.¹ Вынужденный писать на непривычном ему языке, вполне усвоенном только во время пребывания в России, Арсений Грек подчас не находил для ряда понятий соответствующих русских выражений и шел по пути словотворчества, буквально передавая составные предложения греческого оригинала. Наличие этих грецизмов, зачастую очень неуклюжих, вроде: солнечнозрачная отроковица, многоболезненная смерть, подвигоположник Христос, терпеливодушный, памятозлобие, нетяжкоценен буди (т. е. не бери большой цены при продаже), рыбоснедный человек и человекоснедная рыба, ризообнажатель, пшеницолишие² и т. п., служит одним из признаков для определения оригинала переводного произведения. Аналогичную особенность имеет и перевод повести о Бруне. Такие сложные слова, как: подобовидный, подобообразный,³ подобочестный, подобославный,⁴ благосмысленный,⁵ благоискусство, муж благоискусный, доброобразен,⁶ высокославный, высокообразный, высокопрестольный,⁷ ратоводство, полкостройцы, златоодеждные,⁸ красовиден,⁹ маловременный и др., выглядят в русском тексте совсем не по-русски и объясняются строем греческого языка, щедро образующего новые слова путем присоединения частиц: ὑψι — высоко, εὖ — благо, добро, ὁμοιο подобно, μετὰ, παρὰ и т. п. или механически соединяя два различных понятия. Напомним также, что «строитель» в смысле управляющий, опекун, и «дому строительство» — управление домом — восходит к греческому διοιτήτης (управитель) ст глагола διοικέτω с первичным значением — строить.

В предположении о том, что непосредственным источником для русского текста мог являться новогреческий оригинал, нет ничего невероятного. В печатной продукции на новогреческом языке уже в XVII в. нашли себе место два-три представителя средневековых рыцарских романов, в том числе и роман о Петре и Магилене, резко выделявшиеся на общем «божественном» фоне изданий богослужебных книг, богословских трактатов и философских трудов и ставшие затем популярными народными книгами, нашедшими свое отражение в позднейшем греческом фольклоре.¹⁰ Указатель Легранда перечисляет пять изданий «Истории об Империисе» (так называлась на греческом языке история о прекрасной Магелоне («Ἡμπεριὸν ἱστορία») в 1601, 1624, 1638, 1646 и 1666 гг.¹¹ Затруднение только в том, что издания XVII в. давно стали библиографической редкостью и недоступны для сличения. Издание 1666 г. было перепечатано Мейером в 1876 г. в Праге, но и этой пражской перепечатки в нашем распоряжении нет. Остается судить

¹ См перечень у А. И. Соболевского, Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., СПб, 1903, стр. 296—297, 310, 326, 333—334, 338, 342—343, 356—357, 364—365.

² Примеры взяты из Анофологиона 1660 г.

³ Греческое: ὁμοιοσχημος, ⁴ ὁμοτιμος, ⁵ εὐγνώμων, ⁶ εὐμορφος, εὐσχημων, ⁷ ὑψιτολις, ὑψιζυγος, ⁸ χρυσοφορος — носящий золотую одежду, ⁹ κλλιμερφος.

¹⁰ E. Rohde. Der griechische Roman und seine Vorlauffer. Leipzig, 1876, стр. 533—534.

¹¹ Émile Legrand. Bibliographie Hellenique... des ouvrages publiés par des grecs au dix-septième siècle. Paris, 1894, т. I, стр. 183—184 и 396; т. II, стр. 35 и 199; т. V, стр. 3.

о содержании ранних греческих текстов на основании французского перевода одного из поздних (1779 г.) изданий «Истории об Империсе и Маргароне»,¹ допуская, что при несомненно подновленном и литературно обработанном внешнем виде основная сюжетная канва рассказа сохранена. И это сопоставление не выводит наше предположение из стадии гипотезы. Имена героев: Империс или Иберис и Маргарона не созвучны Бруну и Мелеонии; место действия в сравнении с повестью о Петре Златых Ключах остается неизменным, а именно Франция и Неаполитания; начальные слова греческой «Истории» буквально повторяют известные французские тексты XV в. о Петре Провансальском; роман продолжает попрежнему интересоваться рыцарскими турнирами, хотя в рассказе о них отступает от французской редакции; обнаруженные «новшества», как, например: 1) Империса в его странствиях по чужим землям сопровождает преданный слуга, 2) свадьба героя с Маргароной происходит до их отъезда на родину Империса и тайная поездка эта остается ничем немотивированной, 3) родительское благословение похищено не вороном, а орлом, который прячет узелок с талисманом в скалах, где будет построен потом монастырь Маргароны, и т. д., — не свойственны повести о Бруне. Таким образом для бесспорного решения вопроса об источнике перевода нужны дальнейшие поиски.² Если бы они подтвердили окончательно греческое происхождение этой редакции романа о Петре Златых Ключах, то тем самым было бы внесено дополнение в перечень А. И. Соболевского, утверждавшего, что «список переводов с греческого, сделанных в Москве в XV—XVII вв. (кроме трудов Максима Грека) показывает, что это влияние по своему значению было почти ничтожно (курсив Соболевского): оно не только не обновило, но даже не пополнило русской литературы. . .»³ Как бы то ни было, стилистическое единство русского текста с переводами с новогреческого 1660—1670-х гг. несомненно, и обнаружение повести о Бруне, несмотря на регрессивность ее содержания и формы, имеет значение очередного факта, говорящего о том, что народная книга из Западной Европы кочевала в Россию по разнообразным путям, а не только через Польшу, и что эти пути были проложены еще в XVII в.

Что же касается судьбы этого литературного произведения на русской почве, то слишком опрометчиво было бы ссылаться на случайность того, что за 30—40 лет от времени перевода до написания списка Вяземского сохранился только один экземпляр этой редакции. Не следует забывать, что, как указывал Соболевский, переводы, сделанные с греческого в XVII в. («даже интересно составленный Анфологион»), не имели печатных переизда-

¹ M. Gidel. Études sur la littérature grecque moderne. Imitations en grec de nos romans de chevalerie depuis le XII siècle. Paris, 1866, стр. 269—288.

² Отметим, что имя Брун (в рукописи оно перемежается с формой: «Бруна» — именит. падеж) напоминает такие итальянские имена рыцарей Круглого Стола — как Sigurans lo Bruno cavalier Agragone, Brunoro lo Bruno, Brunoro lo Nero сын короля Обеланда, и Brunoro lo Vermiglio. См. Tavola Rotonda, ed. Polidori. Bologna, 1864, т. I, стр. 413—415 и 436; т. II, Indice, стр. 295—296

³ Соболевский, *op. cit.*, стр. 288.

ний, а рукописи дали единичные экземпляры, зачастую только автографы переводчиков,¹ т. е. витиеватый и напыщенный стиль их не получил признания у общественных слоев, потреблявших эту продукцию в XVII в. Тем более естественно, что написанная в такой же манере повесть о Бруне не могла удовлетворить возросших идеологических и эстетических запросов читателя светской литературы в последующем XVIII в. и, отринув «житийную» редакцию повести, масса оказала явное предпочтение принесенному из Польши занимательному рассказу о рыцарских доблестях перед скучным морализующим рассуждением о христианских добродетелях (число сохранившихся списков XVIII в. повести о Петре Златых Ключах доходит до 60).

ТЕКСТ

Предисловие читателю

248

Читателю любезный, сладость услаждает гортань, а слово душу: ни отнуда бо точию от вкуса познавается сладость, а от поведения умных мудрость и от благоискуства крепость и ничто же благоискусна мужа тако увеселяет, еже всяку вещь познати собою во искушении и не в лености сию маловременную жизнь изнурити, яко же и сия благородна, о них же повествословие являти будет иным на подвиг усердный. Сего ради молю, вникнув в сию книгу, яже во образ сего маловременнаго века пременою и непостояннаго ввоображена и дверию до способнаго жития утвержена, от нея познаеши, како во едином бозе надежду жити, яже учит по глаголющему: «блажен муж, иже во искушении себе водит, и злато не в земли просвещается, но от искуса и от огня светлеиши бывает». Тако и мужа не буеть, но разуму достоинства явит. Сего ради молю не просто прочитати сию книгу, но со усердием, зане глаголется дверь до способнаго жития, ни на чем токмо, но на спасителевых словах живот чтущаго ю подверждает: еже в бозе надеяться и искати царствия его и правды, — по том вся приложатся имущему. А в печальных не унывати, ниже надежду и верою ослабевати, наипаче милостиву быти; и милостию сицевою, верою и надеждою себе оградивши, душею и телом здравствуй.

19 Повествословие почитающим зело полезно, иже во едином бозе надежду иматъ,² и желают себе во обучении видети

Мудрость очи просвещает,

Безумие помрачает.

Бодрых ум мудростию процветает,

Ленивых мудрости не достизает.

Милость же любящих ю оживляет,

Немилосердие же убивает.

О, человеце, сия бо чтый самому тебе,

Да не безвестно бо се приидет смерть тебе.

¹ Соболевский, *op. cit.*, стр. 289.

² Следует читать: имуть

Сладка нам божественная писания, братие, не точию почитающим, но и слушающим, сладчайшее творящим и верующим во нь: — се бо принесит ползу спасения и живот вечный подает. В правду пророк глаголет: кто разуме ум господень, или кто советник ему бысть, воистинну глас силы — глас божий. Того ради и прежде бывшия благочестивыя мужи историям¹ поведением (так!) или повествословием ползоваху себе сице, и сиречь списанми благородных князей, и благочестивых мужей, и жен, и чистых и добродородных отроковиц, еже поведения или жития их списах в пользу многим, дабы более надеяние наше во едином бозе простиралось и в нем же присно уповающе ни в злате, ни в серебре, ни во иных мимотекущих вещах услаждающих и прелщающих очеса наша, упование свое полагаем, но точию во едином госпoде должны есмы надеяться. Аще и прискорбное случится нам, — не отречемся убо носити их бога ради: многажды бо сключается лишатися мимотекущая и тленныя славы или презрением родителей, или имении свобождением невольное и, просто реку, аще и всего мимотекущаго сего света насладженей лишатися нам, — не ужаснемся убо, молюся, ниже поропщем ко владыце, но со Иовом возопием: «Господь даде и господь взя», и прочая возглаголем с ним. Аще же надежду таковыи положит в бозе, яко Иов может прославиться; который покажет Иовово терпение — не точию яко Иов, но яко и вси святии может славою просияти, или яко и сия благородная княжата, о них же повествословие предлежит, глаголю: великопрестолнаго и славнаго королевича Бруна, иже паче тленной славы небесную возлюби, сиречь премудрости пожела, такожде и подобную ему благородием, паче же и мудростию кипящую супругу Мелеонию глаголю: како во едином госпoде упованием себе утвердиста, и колика пострадаста, и от искушений, яко от огня злато, просветистася, зане надежды в бозе не погрешиста. Воистинну, по спасителеву словеси, не может град укрытися верху горы стоя, ниже светилник под спудом, но на свещнице светит всем. Сице и сия благородная княжата, и по смерти на всем крузе земнем прославистася, зане надежды в бозе не погрешиста. Но убо более не простру слова ко описанию и к похвалению ею, но самая история явити может. Молю убо имеющих щедробливость и твердо надежду в госпoде о таковых благожелетелне (так!) послушати.

Начало сему сице

В лето от воплощения божия слова осмысленное, индикта первого, во дни Федерика пятого цесаря, во Ишпании велицей бысть чудо велие и преславное: Ишпанскому кролеви на имя Бруна, велми цветущу и преспевающу во славе своей, не толико славою, елико разум¹ растящу и преспевающу; такожде и супружества себе подобно имеяй, лепотою разума и телесною красотою сияти. Едино има сетование бе о рождении чад, дабы има по себе наследника от своего боку видети; о таковых наипаче молитвами и милостынею простирахуса ко убогим и в строении спиталей себе упражняху. Всехитрец же всех творец и бог не презре моления ею, дарова има плод

¹ Следует читать: разумом

чрева мужеска рода тезоименна своему отцу. Они же видевше своего сына растуша и преспевающа радовахуся, паче же надеждою в бозе простирахуся, но не толико попечение имяху, дабы благородному их сыну здравием преспевати, елико бы разумом и всякою наукою ему процветати; отроку же велми во обучении философии цветущу и остро являющуся радующеся родители его, зряще своего сына разумом сияти. Благоразумный же тои отрок отовсюду являше себе достоина престола своего отца, разумом же не точию сверстник своих преспеваше но и рождших более себе уразумеваше, паче же в воинской науке более себе томяше и славна себе сотвори на всем крузе земнем обучением разума и храбростию сияти. Из ыных краев пребывшии в державе родителя его подобни ему княжата вси дивляхуся, зряще такова юношу в разуме сияюща, и зазираху ему, глаголюща такова: о, благородный и славный юноша, велми удивляеши нас острою своего смысла и жалением снадэеши сердца наша и велми смущаеши нас о такихъ болети, дабы достоинства твоего благороднаго, паче же богом надареннаго в тебе смысла премудрости не угасла заря, обносяся между любви твоею родителю. Стыд бо подобовидну¹ тебе мудрым на едином месте себе явити, паче же не искусна себе в вещах видети, еже и в тебе ныне зрим. Или не вестъ твое добродество, яко матерне жаление никогда млека своего сушит при устну юных? Молим тя, дабы не приключилось быти тебе такова, и безмерная их жалость в смех не обратилась, паче же в прогневании мудростидавца, мудрых бо пожитие не себе, но многим. Молим же тя, объяви на крузе земнем своего разума достояние и не прогневи мудрости надарителя всех благих бога, дабы темны гроб тебе не посрамил и не явил тя незнаема и бесплодна суща. В первых тя молим, лиши себе своего отечества и отдаи себе в след мудрым поступкам, дабы не едина Ишпания, яже тя воспитала, веселилась тобою; зрим убо в тебе и всего света земный круг едва ли может вместити тя за высочества богом надаренного в тебе разума. Сице и множае ему глаголаху. он же, яко мудр сын, не можаше презрети совета их, оставляет своих родителей и отходит в Венецию со множеством богатства и отдаст себе венецыйскому князю во служение, желая собою всяко искушение в рате разумети. Сего ради не ратоводства пожелала, но последним салдатом восхоте себе видети, не просто бо, но в такихъ бо жии промысл об нем бяше, — не мздою некоею достоинств достизает, но надаренною богом ему наукою, от многих князей славу постизает: аще и не призираше его венецыйскии князь, но бог с ним бяше. И много бо лет ему себе изнури во служении иным подобовидным себе князем безо всякой гордости. Сего ради и бог его прославляет и во всем споспешествоваше ему, виде мужа несуменную веру и крайнее смирение.

Венецыйскому же князеву имущу дочь единородну, разумом и доброю велми сияющу, Мелеонию именем, не толико благородством и красотою веселястася ей родители, елико разумом утешахуся. Благородная же та отроковица болшее желание имяше непрестанно в молитвах обноситься и к милости прилежаще, и того ради дабы даровал ей всех промыслительи бог

¹ Следует читать; подобовидным

супруга, благородством и разумом подобовидна ей, и в сидевых бо от родителей своих прият милость, яко вина сама будет своему супружеству, а не родителема своима принуждена будет, паче же кого вышнии сотворитель обрести волит, не о себе полагая надежду, но в бозе. И сего ради более растекашеся слава об ней по всему миру. Того бо ради всякий благородный юнак, слыша об ней обходящую такуюю славу, не толико желая благородства и красоты ея видети, елико желая насладитися благоразумия ея; и сего ради подобовидни има княжата отечество своё оставляху и в вечное служение предавахуся отцу ея, дабы слышали мудрые ея глаголы, — аще и мудри суть, не толико удивившася и возжалеша добродетелю ея, елико болши к ней любвию приплетающе себе за высочество богом надаренного ей смысла и желаху видети ю себе в жену; и мнози того ради в нищету от славы себе приведоша и желания не получиша. Она же благородная, паче же премудрая и честная отроковица, видя себе в таковых, не внимаше родителей своих, им же они ея желаху увести, ни сверстниц своих слушаше, но точию во едином бозе надежду свою полагаше и непрестанно моляшеся, дабы не лиши ея такового супруга видети, его же желает душа ея. Во един же от дней отец тоя благородные отроковицы повеле всем всего своего княжества велможным почесть ей принести и дары, яко надлежит владычней дочери (не толико того ради дабы собрати много имения, елико того ради, дабы тая благородная его дочь кого себе от подобных излюбила к браку сопряжения), и повеле всем рыцарем и полкостроителем и благородным юнаком, коемуждо в своем чину, по единому пред лицом тоя благородной своей дочери со опасством благочинне приходити. И егда там повелению исполнитися, юноша той благородный Бруна в чину копралства ¹ с славою своею проходилаше. Она же благородная отроковица, егда его узре, вопрошаше об нем отца; он же ничесож к ней отвещеваше и велми о сем гневашеся на ню. Она же паки его вопрошаше, дабы ей явил род того юноши. Отец же ея яростным оком на ню позре и со гневом к ней отвещеваше: о, отроковица честная, чесо ради беседою бесчестие и гнев ми твориши своему отцу, о благородных и любимых мною, паче же достойны ² себе честию и саном, не вопрошаеши мя, но о сиротах малородных желаеши у мене ответа? Срам бо ми есть твоему родителю, и велию скорбь задаваеши ми, таковая от тебя слышати. Она же, благоразумна сущи, боле того ничто же рече своему отцу тогда, дабы на болшии гнев и ярость того не привести, и в сердце своем непрестанно мысляше и желаше, како бы ей наедине искусити того юношу и увести род и достоинство его, — зело бо его любляше. Во един же от дний глаголаше назирателю, опекунови своему тако: о, вернейший мой строитель, веси бо не точию дому моему отец мой вручи тебе строительство, но и мене самую в снабдение тебе дарова; и о сем веси ко мне твое добродейство, яко от родителей своих помилованну себе вижду, не чрез их повеления, но мною любим будет мой обручник, и желание мое веси, — паче же чрез волю моего творца будет мне желаемое, дабы не посрамлен был мой разум и достоинство мое, иже подобен бы мне явился. Молю ко мне верное

¹ Следует читать: копралства (?)

² Следует читать: достойных

- л. 255 твое служение, даждь мне видети глаголюща того юношу с тобою или слово его слышати, его же в капранском¹ чине видех оного дне, иже отец мой мне на честь учинил и приходити им з дары повеле предо мною, и о котором многажды я вопрошах своего отца, дабы ми явил род его и отечество; он же не точию явити ми восхотел его, но и со гневом велиим ответословил, зане такова юношу не присмотрех между любимых ему, точию отечества его и разума не вем и того ради зело желаю слышати слово его и род его уведети. Молю, сотвори верное сие служение, дабы не весно было отцу, его же желаю от тебе. Благоразумный же той опекун, слыша о такихых у благоразумной той отроковицы, велми о том недоумевашеся, и страхом и жалением к ней прилежаше, и в себе размышляше; и по сем уразуме не блудничская в ней смущения, но высокоумдрья ея глаголы, велми о словеси ея веселяшеся и повеле втай приити к себе юноши тому; ей же заповеда тайно за некою завесою быти, точию слово его слышати. Егда же той благородный отрок высокообратными (так!) и мудрыми глаголы опекунови ея ответоваше, тогда сердце ея более к нему любовию разгорашеся, и не можаше себе утаити, без стыдения себе объяви и сама нача глаголати к нему сице: о, благородный, премудрый юноша, от словес твоих уразумеваю тя мудра быти, таже вижду тя, не проста еси родителя сын, но от подобославных нам честию и саном. Вижду бо обноситися тебе желающа смиренномудрием, но порода твоя, паче в тебе кипящая премудрость, не может прикрытися, но всем являет твое достоинство. Много бо и я желалх слышати человека, иже бы подобен был ми беседою и родом, паче же и разумом; так же и от родителей своих помиловану себе вижду, яко не понужденна ими на их воли видети себе супруга, но токмо в волю себе божию предала и мною обран будет мой обручник; и сего ради молю тя, да явиши ми ныне свое отечество и чин, дабы мне уведети о тебе, зане не присмотрех между любимыми родителями своих подобовидна быти тебе кому. Молю, не снейдай моей души, яви ми своего достоинства чин, дабы ми не бесчестно было таковой дщери отца не подобна себе честию и разумом слышати мужа, — а тебе бо аз зело возлюбих. Он же, слышав от нее таковая, благоразумен сын, и позна в такихых быти творца своего волю и нача ей глаголати сице: о, благородная и благоразумная отроковица, паче же владычице моя, не просто бо, но по вашему достоинству, паче ж богом по надаренному вам смыслу, отовсюду на вас сияюще в высокославную силу слышах и не безбедно пожелах юже сам видети и ныне уразумеваю в себе, яко за споможением моего творца полезнейши себе приобретаю. Вижу бо, яко никогда благомысленну такову во ответах жену слышати ми. Воистинну недоумеваюся, како о тебе разумети, — или яко новую Иудифь, или ину от подобных ей, — тебе благородну вижду, того бо ради не могу таяти пред тобою ничесо же. В первых отечество свое тебе явлю: — сын есмь славнаго испанскаго краля Бруны, ему же тезоименный, желаю в мудрых поступках себе водити по совещанию присных ми, внешне в неискустве богатством кипети, по писанному: мудрость очи просвети, а сребро разум помрачи. Того ради оставих своих родителей, и честь
- л. 255 об.
- л. 256
- л. 256 об.

¹ Следует читать: капранском

и достояние их, и приидох к последней нищенской службе со усердием служити твоему отцу, дабы собою всякое обвосящееся в нуждах искушение уразумети, — а еже слышу от твоего благородства, яко пожелала есмь¹ привязанна ми быти богом, и я тя зело возлюбих. Она же, слыша добродна и разумна его суца, зело возрадовася и воздаде благодарение богу, яко не лиши желанія ея, и многажды моляше своего отца, дабы дал ю ему к сопряжению закона. Отец же ея велми прещаше в таковых и клятву ей налагаше, — бояся бо прелести от блудства, яко отец чадолюбив, паче же во искушениях являяся благоразумен. Благородная же та отроковица, видя своего отца непрочна к воли ея, даде тому благородному ювоши залог свой перстень, его же более всего любляше, у него же взя его перстень, великою ценою награжденный. И устависта между себе, дабы ко сочетанию браку приступити им во славной Ишпании в дому славнаго Бруны, а из Винцеи, утаяся всех, бежати; таже в первых себе подтвердиста, — донеле ж к сочетанию брака не приступят законне, не осквернитися им друг от друга смертным грехом; и по таком залозе начаша искати подобна времени, како бы им уллучити хотение свое. Мелеония же толико его любляше, егда от Бруны взя залог перстень и обвив его червленою обвивою, и скры в своих одеждах у сердца своего, и непрестанно его ту ношаше. л. 257 об.

По неколиком же времени поят оный Бруна Мелеонию и, утаяся родителей ея по намерению своему, бегу ястася точию едини, ни от раб своих кого с собою потребоваста, точию Мелеония взя с собою у родителей своих немала сокровища в малых вещах, дабы не срам ей был такова отца дщери в иноземском краю себе видети. И бывшим им на пути, от великого труда припаде има сон; они же восхотеша дати телу своему упокоение, и попускаста свои ослята близ моря суть, и сном отяготистася. Мелеония же боле отягчена бе сном, велми храпляше, и припадше к коленому своего обручника. Бруна же узрев во одеждах у нея зашитиѣ и недоумевашеся чесому быти; и пожелала уведети, и нача то место осматривати во одежди ея; и выня той свой обручальной перстень с червленим обвитием; и нача паки в первое свое место устроить. И по некоему строению той перстень и с червленою обвивою испаде на землю из рук его, он же вскоре его не обрете; вран же создади его седя, Бруне же сего не ведящу, и мяяше вран себе нечто пищу зрети, зане красовиден бе, и с великим усердием ухвати перстень и вложи во уста своя. Бруна ж, видя таковая, велми опечали себе и нача помышляти, дабы вран ва море не ушел, всяко домышляшеся, како бы уловити его; и егда приблизися к нему, вран же от великого страха подьемшися и полете на море, а той перстень во устну своею ияяше; он же нача по нем стреляти и уби его. Перстень же со червленою обвивою в море упаде. Бруна же узре малый кораблец и вслед в него поплыве по морю, хотя той перстень восхитити, и егда бывшу ему на мори, припаде великая буря в мори и нача носити его и отвесе далеко в незнаемыя места, а в перстне желанія своего ему не получившу. Мелеония же о том и чего же ведущи, зане сном одержима бе, егда же возбудився и нача приходити в себе, семо и авамо² обзирающеся

¹ Следует читать: еси

² Следует читать: овамо

- быстро, своего же супруга пред собою не обрете и нача горестно плакати глаголя сице: увы мне безрадостной невесте, живомужней жене и бедной! Горе мне, окаянной и злочастной! Ох, увы! Где обретется возлюбленный мой обручник, и в коем месте есть, что был еси женише мой любезнейший? Чесо ради толико явил ми ся еси жестокий ко мне? Како оставил мя еси в пустыни сей? Которое зло тебе сотворила, что тебе погрешила? За кую вину отрекся еси мене, толико возненавидел еси мене, яже бы предательница тебе была? Аще имел еси намерение оставити мя, чесо ради от боку родителей моих
- л. 259 отлучил еси мене и положил еси в срам и мучение? Ох, увы, где ныне обретаешися, любезнейший мой, да известиши ми, камо пойду и что буду. Но ни едино попечение о мне сотворил еси, но ты убо явил ми ся еси жестоковый (ный — *приписано после*) и безболезненный. Аз же да сотворю все сопротивное, да подражаю непорочную горлицу и нелестную, яже, егда погубит своего сожителя, уже вящее к тому не сedit на зелено¹ ветви, ниже пьет тогда воду чисту, ниже поет, но плачет счастье свое и ни едину радость приемлет, но всегда печалует, дондеже умрет от скорби своея. Сице сотворю и аз, злочастная и прискорбная и несчастная: — да не отыду в дом своих родителей, но сотворю по завещанию моему к тебе и иного бо никого не отягчу собою, но да рыдаю на всякий день и плачю счастье свое и тебе пожеланнаго ми обручника нигде ж инде, точию во отечестве твоем, и не изменю сего моего намерения, дондеже испущу едину реку слез, и тогда умру от болезни и скорби моей и общ нам с тобою гроб да будет, глаголю отечестве твое — яже великая Ишпания. Сия бо и множае глагола Мелеония, горестно рыдая, егда не узре пред собою пожеланнаго ей обручника, и от великаго сетования едва прииде в себе; и узре оба ослыта, и прииде в размышление, недоумевашеся таковому прилучаю, не ведяше звер ли его унесе или разбойницы ухватиша, или в море утопе; недоумевашеся, что приключися ему, точию плакашися неутешно; и, яко новая Руфь, нача по намерению своему до Ишпаний пути искати. И мало поступи узре престареющуюся жену,
- л. 260 в худей и в раздранней одежде шествующу, и о том мало утешився от печали, и глагола ей, дабы показала ей до Ишпаний путь, и с великим усердием нача молити ту убогую вдову, дабы ей худую и раздранную одежду свою даровала, а у ней прияла какую она ношаше. Она же вдовица недоумевашеся о сем, видя многою ценою ея одежду награжденну, срамляшися взяти ю и много отрицашися, точию Мелеония ея не презре; и путь ей показа ко Ишпани. Мелеония же тайная и многоценная своя сокровища, яже взя в малых вещах у своею родителю, елико можаше обра в недра своя, скрыв тайно, и взя на ся нищетную одежду и яся пути до Ишпаний, велми себе снедавше жалением по неложном своем обручнике. Егда ж достиже первых градов того
- л. 260 об. царства, нача вопрошати о своем обручнике и уведе, яко не обретется у своих родителей, помышляше смертна его быти и моление посла к державным места того, дабы позволено ей к строению спитали дати место, избраное ею близ моря. Державный же града того ниже рода ни отечества ея вопрошая, точию усердно ей таковая строити свободи и велми возрадовашеся о тако-

¹ Следует читать: зеленой

вом ея намерении. Благородная же она отроковица велми тому прилежаше, и в таковое строение всю свою жизнь изнури, и в болезненном своем сетовании о бозе надеющийся велию себе радость и утешение приобретаетше. И изыде слава всюду об ней, яко нигде таковое прибежище бедным странним и болным упокоение являшеся и донесено бысть о ней князю. Слышав же о ней князь, зело о том веселяшеся и многожды сам ю посещаше, — а рода и отечества ея не вопрошаше, зане не належит в мудрых чюжда ведати и стыд бо такова им суть. Болии божий промысл о том бяше. Она же благородная отроковица и цвет милости не точию единым испанцем милость творяше, и всякому чюжеземцу прибежище бяше. Зело любляху ея вси, того ради пройде слава повсюду о ней. л. 261

По неколицех же днех случися княжеским ловцем ловити рыбу и поимаша великую и страшную рыбу и принесоша ю ко князю своему в дарех. Удивлься же князь велми, и величества ради ея повеле пред своима очима распороти ей чрево, и обретоша в сердце ея той обручальный перстень с червленою обвивою, его же Бруна у Мелеонии во одежди взя, и вран ухвати и в мори потопи. Князь же зря таковая недоумевашеся и не ведяше бывшаго и нача помышляти в себе, где бы той перстень приписатьи, дабы не во грех вменилось ему быти, зело благоразумен и благолюбив сый и никогда же желаше чюжда. Предстоящи к нему рекоша, да повелит его в сокровищах своих блюсти, — немольно к нему вопияху, глаголюще, яко не обрящется в его имени такий камык чистый и безценный. Он же, яко мудр сый, егда предсташа вопиюще, тихо их вопрошаше глаголя: о, друзи мои, вопрошаю вы, что более человеку, очесы ли зрак погубити или услаждающими сего света маловременными вещми себе увеселити? Они же рекоша: без очеснаго ничто ж ползует. Он же глагола им: правду глаголите ми, без очеснаго века сего вещи не услаждают, более же правду презирающаго и вместо разсуждения безразсудна себе являющаго. Воистину легчаше (так!) чюственных очес зрениа стоящую сию маловременную жизнь себе лишити и света не видети, нежели истиннаго света очес и вечнаго живота, глаголю правды, себе лишити или богом надареннаго светлаго светила, сиречь разум или праваго разсуждения, в себе изгубити. Правду глаголите ми, яко не обретается в сокровищах моих такий камык безценный, сим бо более понуждасте о нем мене на разсуждение, и унее к нему ума своего не привязую и возжеления своего ему не даю, зане не в мори он рожден, ни тая рыба его златом укра (так!)¹ и в червленая обвития скры, но человеческая рука, и отсюду разумети должно есть, яко не безбедно ис человеческих рук морю ему вдатися; аще кто от человек тех владеющий им и неведоми нам суть, но должно тому им властвовать, иже его нам вручи. Сего ради приписую его господеви, да не явлюся желатель чюждаго. Еще же и о сем возсылаю богублагодарение, зане на земли поставлен есмь от бога человеческих душ паситель и строитель; того ради должно нам о таковых положить милость и явити о тех поболение, ис которых рук не безболезненно таковой камык морем отъят бысть и рыбе вдадеса, более сего ради приписуем госпо-

л. 261 об

л. 262

л. 262

деви: аще владычествующи им живи суть, — дабы более здравие и счастье их простилось (так!) ¹ на земли, аще ли мертви суть, — дабы за наше усердие более отпущение грехов им получитьи. И вси удивишася княжеску ответу, ласкающии ему посрамишася. И по сем повеле князь той перстень отнести до шпиталеи тоя благородныя отроковицы и вручити ей. Она же узре той обручальвый перстень и слыша, како из моря рыбою вынесен бе, и наедине многия излия слезы, и разуме своего обручника мертва быти, и отложи все свое чаяние о животе его, паче же возсылая благодарение богу, что благоволил явити ей о нем таковою вещь, и к тому уже со усопшими поминати его всегда повеле, а перстень той скры у себе и со червленым обвитием, мысляше в себе по своем животе его продать на память своего спасения, а о обрученике своем всю свою надежду отложи к тому видети, но более положи попечение ко строению спиталеи и безмерною милостию цете, — не безделно бо повсюду слава об ней бяше.

л. 263

Благородный же тот Бруна, егда от великих волн морских спасение получи, велиими ветры принесен бысть к берегу морскому в дальних и незнаемых пустых краех. И егда от великаго волнения и биения морскаго на брег вынесен бе и прииде в себе, оглядаше место отовсюду пустотою объято, и не увиде пред собою благородной своей обручницы, нача велми горко плакати; и жалостно рыдая, безчастие свое вменяя быти, и в великом размышлении бяше, и не ведаше что сотворити, во многом сетовании возведе очи свои и виде по морю корабль грядущ и рад бысть нача велми звати. Корабленицы ж услышаша глас вопиющаго и пришлаша к нему малый кораблец и взяша его к себе. И егда же узреша его доброобразна и благородством сияюща, велми удивишася и желающе увести отечество его. Он же ничесо же им отщещеваше и проста человека быти себе им являше. Они же, видевше красоту его, паче же богом надаренну в нем премудрость, турскому салтану пръведоша его в дары; он же с великою любовию у них его прият; и благородный же юноша велию услугу ему творяше.

л. 263 об.

л. 264

Салтаново же величество, зря его отовсюду мудростию кипети и благородством и добродством (так!) сияюща, зело возлюбил его, паче же за верное служение ему, и приставил его над всем домом своим и царством строителя и толико его любляше, яко своего сына вменяше быти. И благородный же той юноша велию храбрость и службу ему показа и велми процветаше во своей славе и в богатстве, а о обручнице своей Мелеонии такоже отложи чаяние видети ю, мысляше ей возвратитися ко своему отцу, точию даде обет богу не искати иного супружества себе. По неколицех же днех прииде ему желание видети своя родителя и прииде до салтанова величества и нача его молити мудрыми глаголы сице: о, славный и всего света царю, кто тако почтен от вышняго честию и множеством царств ко обдержанию, яко твое величество. Милостию и правдою и родством никто же тако сияет на земли, яко твое высокопрестолство, кою милость и на мне недостойнем излияти благоволил еси, ни за выслугу кою мою к тебе, но являше ко всем недостойным мною множеством своего милосердия, — никогда мне в памяти моей

л. 264 об.

невозможно предати забвению. И о том более разсудительство твое весть, какова любовь своих родителей всякому разумну мужу бывает, иже много лет не видят своя родители и велми болезнуют любовию к нима. От многих лет уже не вижду ю, ныне бо возжадах видети и достоинство их оглядати; испанскаго краля есмь сын и ничто же мя тако опечалевает, яко желательство видети своя родители; и им не безпечално велми есть, ничто же когда слышаша о мне, егда от боку их оторван есмь. И егда вышний то мое желание исполнит, паки к тебе возвращуся и вернейши явлюся твоему величеству. Молю твое высокопрестолное державство, да повелиши ми ехати до моих родителей до Испании великой и отечество свое обглядати. Салтан же, слыша от него таковыя глаголы и отечество его уведе, велми возрадовася и нача ему глаголати: о, верный мой, подобочестный нам государичь, слышу бо от тебе правду и вем воистинну ничто же более печалию снedaет сердце, еже родителема о рождении своем не слышати и сыну о своих родителях не ведети. Аще и мене оставляеши, жалость велию и печаль приносиши ми, но не могу тебе нуждею держати, такова отца еси сын, паче же за верное твое ко мне служение; точию о сем недомышляюся, како тебе сотворити за честь твою, паче ж за верную ко мне твою услугу. Не вем чем почествовати тя, да не с тщетными руками приидеши от мене ко своим родителям, да ми не к посрамлению ни на смех своим явитися. Аще бы и многочисленных полков в честь твою тебе к проведению даровал, о том сам более веши — не возможно состоятися за далиною края, но едино тебе даю и повелеваю: вся моя сокровища изыщи и лучшее себе избери на честь имени своему и скрый у себе яко сам веши, дабы и мне к посрамлению не было такова честна и благородна юношу отпустить во отечество его, паче же верна себе приятеля во отлучении себе тщица руками ведети. Сицевая и множайша глагола ему салтан и велми оскорбися о нем, не хотя его лишитися, зане велию любовь к нему имяше. Благородный же юноша, слыша от него тако-

л. 265

л. 265 об.

л. 266

л. 266 об.

¹ Следует читать: имуть.

- Егда же поступившу кораблю с места своего плаванием до велицей Испанни, благородный же юноша на нем пловый радуясь; и плывущим им корабленицы же помыслиша на мало прохладити себе от великаго волнения морскаго и приставше ко берегу начаша ту почивати. Благородныи же той юноша вниде на брег далече от них, никим же ведом, и обрете место полно и украшено от цветов благоуханных, и прилюби себе и нача почивати от великаго труда морскаго; и промыслом же божиим нападе на него велии сон, чрез день и ночь не можаше проснутися. Корабленником же егда приспе время плыти, поискавше его много и не обретоша, отчалиша корабль и плаванию вдашася, а его оставиша на брезе, помысливш зверю его снести.
- Благородныи же юноша, возбудився от сна, и прибеже к морю и озираяся быстро и не обрете корабля; и нача горестне плакати паче первого и, видя себе в пустыни, недоумеваше что сотворити; и от великаго того сетования печална возвед очи свои к морю и узре шествующ ии корабль, нача звати, милости прося, велиим гласом глагола: помилуйте мя, странна суща, не предайте человека зверем на погубление, возьмите мене к себе на корабль. Они же, услышавше на брезе человека вопиюща, приваливше корабль ко берегу и взяша к себе и начаша вопрошати его отечества и како ему склучися на таковой пустыни пострадати. Он же на мног час не можаше им глаголати от печална сетования, но точию яко реку испущаше слезы и помалу быв в себе нача им глаголати: родом емь славного некоего рыцаря, отечество же мое бе Испания великая, и много лет изнунив себе во обучении и у турского салтана явихся и отпущен им бе сискати своих родителей и шествовах от него в корабли, имение мое имех у них заставих; и от великих волн морских пристахом zde дати себе покой телу и сном отягощен бе; они же не возбудиша мя и оставиша мя ту, имение же мое увезоша с собою. Молю ваше благодетелство, возьмите мя к себе на корабль, дабы зверие плоти моей не насытились в пустыни сей. А сам непрестанно обливаше себе слезамд.
- Они же слышавше таковая, зело умилишася и взяша его к себе на корабль, утешаху его глаголюще: о, благородный юноша, положи о сем на бога упование и не отчаявайся, силен бо бог помиловати тя, по реченному: не оставит господь уповающих на него. И тако Бруна мало утешися от печали и сотвори им поклонение, сам же возложи упование на бога, яко же хочет он тако и да сотворит. И потом по неколицех днех достиже той корабль того града, в нем же та милостивая цветет, на котором Бруна бе, в велицей ему скорби и болезни тогда бывшу, и едва живу сущу и в нищетней и раздранней одежде, ниоткуда бо можаше признатися первое его достоинство. Корабленицы же они, видевше его в велицей той болезни, едва с трудом его приве- соша в тую шпиталню и с молением его в пречестныя ея руце вручиша и вся порядку ей об нем явиша, како склучися явитися ему у них на корабле. Она же, милостивая и щедролюбивая, по обычаю своему повеле его с радостию прияти у них и велие милосердие о нем показа. И по сем помалу нача от болезни свободжатися и ина болезнь припаде ему: стыдящися и мысляше в себе, како бы явитися отцу и недоумевашеся, видя себе нищетна суща от таковой славы разлучшася; и позна Мелеонию, она же его не позна; и более снадеше себе печалию, нежели скорбию, приключышеся ему от естества.

Обычай же бе Мелеонии на всякий день из своих рук напаяти странных, а его более любляше, видя его персону, мя подобия своего супруга, а не самого его зрети. Егда же он от скорби более исцелеваше и нача кровь в нем процветати, она же более ему любовь прилежаше, и найде ей помышление о нем, яко он бе, ина же мысль побеждаше ю, — перстень он обретенный в море не даваше расти в ней совершенно познавательной к нему мысли. А оный юноша уже желаше ей себя явити и не ведяше како, бояся да не в горшее прийти себе мяшше. Но точию во един от днии прииде благородная та отроковица по обычаю своему напаяти странных и доиде до того юноши, и без стыдения воззва его наедине, и нача к нему глаголати: «о, юноше, велие удивление ми явит о тебе и недоумеваюся, паче вижду бо ты всегда печална суща, не толико скорбию, елико вижду в тебе некую от мнения растущую печаль, юже и дохтуры сей шпитални не могут тебя уврачевати от естественной твоей болезни, заве дохтурскую науку посрами твоя мнению подлежащая скорбь; а мне самой жаль приносиши, не бо себе более жалею, яко тебе явити попечение, вижду ты подообразна (так!)¹ моему обручнику, ему же при бозе (?) дарствовав залог». Егда сие изрече слово не можаше без слез быти, велию реку излила слез, припомня о своем обручнике, и по сем мало удержав себе, паки нача глаголати: «или ты стыдением и страхом объят еси? Чесого желаша зде от бога данных ми богатств насытитися? Или в златоодежных себе увеселити, или на конских ристаниях веселитися? Без сумнения вся ми исповеждь о сем — вся ти воздам и более его же желаша. Сия и сицевыми глаголы глагола ему благоразумная его заложница. Благоразумный же Бруна, слыша от нея таковыя глаголы, велми обдия сердце свое слезами, точию ей не яви первее сего, дондеже воздаде втай богу благодарение, и по благодарной молитве нача глаголати к ней с плачем: «о, благочестивая и милостивая отроковица, отовсюду бо вижду я от бога надареннаго в тебе смысла кипящую премудрость и неизреченную милость к странним, юже еще корабленики моими утешен бых, слыша от них о тебе, иже мене в честныя твои руже воистинну во спасение отдаша, а ныне и сам вижду более их о твоём милосердии, того ради не утаю от бога дарованнаго тебе смысла о себе ни единой вещи, обносящейся о мне. И нача ей вся подробну явити о себе: в первых свое отечество, таже свое имя, потом вся приключышася ему с нею, яже во отечествии и яже на пути, и яже у салтана во служении, и потом на корабли, и вся подробну ей поведа. Она же, егда услыша от него таковая, от великой радости не можаше удержатися от слез, и познаша друг друга, и тайные его вещи перстень той обручальный со обвивой червленею пред нею положи, от него же случися ему пострадати, и все ему яви: како, богу изволшу, вдадеша отцу его и с каким намерением принесен к ней от отца его; таже о сокровищах ему, иже в дельве отданом ей от купцов, и вся реченная ими подробну изъяви и свидетельство их ему показа. И от множества радости оба излияху много слез и удивляхуся величию божью, како на них призрёт и не остави я тщетных друг друга видети. Отцу же его о том ничто же ведущу, она же вскоре повеле уготовати

л. 269 об.

л. 270

л. 270 об.

л. 271

¹ Следует читать: подообразна.

ему светлые и высокообразные вещи по его достоинству во одеждах и в бинях, иже належит величеству его, также что к своему достоянцю прилично, и скоро посла ко отцу его и яви ему об нем. Егда услыша отец его, с радостию прииде и позна его, и халися о выи его и облобыза его, и от радости множество излиша слез. По сем уведе совершенно отец его и о Мелеонии, с радостию великою прослави бога и похвали ея мужественный и крепкий ум. И по сем вси достигоша столичного своего града, таже сотвориша законне браку сочетание вскоре. Отец же его великою радостию двояко себе возвесели: первое, о обретении сына своего, второе, о сочетании его подобней ему невесте, и вси прославиша бога и удивишася таковому страшному чудеси. И по сем по смерти своих родителей оные Бруна с своею Мелеониею достойне наследоваша престол своего отца и не точию во единой Ишпании, но и на всем свете возгремesta славою и разумом, паче же милостию ко всем, и вся Ишпания о том славяху бога, видяще у себе таковых руководителей и спасителей. И по многолетном жителстве не въ едино время, но в малых днех разстоянием, разлучи их бог от сего маловременного света на будущее веселие. Она же благородная, елико лет има к состарению приспеваста, толико более милостию простирахуся ко всем и до конечного разлучения души с телом не лишиста себе милости и по своем животе велию повелеша показати милость многим. Мы же, братие, слышавше таковая, в первых себе положим надежду твердо имети о бозе, по сем милостивым быти, по глаголющему: блаженни милостивии, яко тии помиловани будут.